

- language // Language. An inquiry into its meaning and function. N. Y., 1957.
3. *Kuryłowicz J. Metaphor and metonymy in linguistics // Zagadnienia rodzajów literackich.* 1967. T. 9. Z. 2.
4. *Потебня А. А.* Из записок по теории

- словесности. Харьков, 1905. С. 311, 494—529.
5. *Ullmann S. The principles of semantics.* Oxford, 1963. P. 220—243.

Кочерган М. П.

Hayrapetyan S. P. Hay hin ew mijnadarean grakanuthsan patmuthiwn. Los Angeles, 1986. 724 էջ.

Книга С. Айрапетян (Софи Эктон) «История древней и средневековой армянской литературы» сразу же по выходу в свет привлекла внимание как отечественной, так и зарубежной научной общности, о чем свидетельствуют положительные рецензии и ее переиздание в Ливане. Сейчас готовится публикация на английском языке, что будет первым опытом подобного рода.

Даже самый поверхностный взгляд на структуру и содержание книги не оставляет сомнений в том, что эта работа представляет значительный интерес не только для литературоведов, но в не меньшей степени и для лингвистов — историков языка, текстологов, для филологов, занимающихся проблемами культурно-языковых взаимоотношений, вопросами мифологии и устно-народного творчества, в котором отражено лингво-эстетическое мировоззрение древнего человека.

Хронологический диапазон характеризуемых памятников, согласно оглавлению, охватывает 14 веков (с V по XVIII вв.). На самом же деле он значительно шире, поскольку нижняя его граница восходит к дописьменному периоду бытования армянской мифологии, языческих верований и устно-поэтического творчества.

Свою основную задачу С. Айрапетян видит в хронологически последовательном, концептуальном анализе наиболее значительных памятников прошлого, в выявлении культурно-эстетических и общественно-исторических основ творчества их авторов. Параллельно с этим определяется языковая специфика и художественная ценность произведений. Айрапетян хорошо ориентируется в огромном, накопленном веками материале. Отбор памятников для анализа и персоналий представляется весьма логичным, что свидетельствует не только о хорошем вкусе С. Айрапетян, но и об учете новейшей специальной литературы. Благодаря обширным выдержкам из памятников различных эпох, характеризующих в хронологическом порядке, книга становится ценным источником и путеводителем для

лингвиста-историка и текстолога: сравнение языка памятников различных эпох позволяет наглядно ощутить динамику внутривидовых сдвигов, которые произошли в нем за определенный промежуток времени. Следует учесть, что проблема лингвистического времени и качественной характеристики сдвигов для армянского языка является весьма актуальной, поскольку он подвергался настолько значительным структурным изменениям, что памятники V в. были непонятны читателю уже в X в. Автор книги учел это обстоятельство и снабдил приводимые из различных произведений отрывки соответствующим переводом на современный язык. Эти переводы «с армянского языка на армянский» следует отнести к положительным качествам книги при ее общей оценке, поскольку далеко не каждый филолог-арменист в состоянии достаточно адекватно перевести тексты, написанные на грабаре, среднеармянском литературном языке, на диалектах и полудиалектах. Остается лишь сожалеть, что Айрапетян иногда отступает от этого правила, — ср. главу, посвященную авторам V в. (Корюн, Бузанд, Мовсес Хоренаци и др.), где переводы даны без оригиналов на грабаре. В целом же книга построена таким образом, что читатель имеет возможность легко ориентироваться в богатом наследии прошлых веков, отражающих лингво-культурные традиции народа, видеть специфику его языковых форм, в которых оно воплощается. Перевернув страницы книги, читатель перешагивает через века и может сравнить древнейшие языковые формы, отраженные в мифологии и устно-народном творчестве дописьменного периода, например в песне о рождении бога Ваагна, с изысканным языком любовной лирики средних веков — айренов, отражающих следующий этап развития армянского языка.

Книга состоит из Предисловия, трех частей, объединяющих 20 глав, и обстоятельного Приложения. В первой части рассматриваются памятники древнего периода (до X в.), во второй — средневеко-

вого (X—XVII вв.), в третьей — литература периода обновления (XVII—XVIII вв.).

Часть первая (с. 25—266) содержит семь глав. Особое место здесь занимает проблема этногенеза армян и истоков армянского языка, которой посвящена глава «Армянский народ, язык и мифология». В ней довольно обстоятельно излагаются существующие точки зрения по этим вопросам. Глава эта хорошо вписывается в структуру книги. Далее в поле зрения автора оказывается дописьменный, языческий период развития армянской художественной мысли. Автор начинает свое повествование с эпохи становления лингвостетического мировоззрения человека первого тысячелетия до н. э., отраженного в его песнях, устно-поэтическом творчестве, традиции которого были еще живы к моменту появления армянской письменности в V в., и отчасти отразились в трудах некоторых историков, в частности, в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (по его словам, он сам слышал эти песни, исполняемые «в сопровождении бамбиря»). Авторами этих песен были, по-видимому, бродячие певцы-музыканты — гусаны, традиционно передававшие из поколения в поколение мифологические сюжеты, легенды, сказания о деяниях богов и людей, ритуальные песни и пр.

Оценивая по достоинству литературу дописьменно о языческого периода, Айрапетян подчеркивает огромное значение факта появления армянских письмен и словесности в деле сохранения армян как этнической единицы, их языка и духовной культуры в условиях жесткой ассимиляторской политики могущественных соседей — Византии и Персии. Положение это в арменистике является общепризнанным. Действительно, сразу же после изобретения армянского алфавита в течение полувека сложилась классическая армянская словесность как оригинальная, в лице блистательной плеяды историков, агнографов, иконоборцев, философов, так и переводная (Библия, произведения древнегреческих философов, историков, которые в ряде случаев используются вместо утерянных оригиналов, и др.). Благодаря этим трудам укреплялась позиция христианства и армянской церкви, а вместе с этим и таких этнических признаков, как национальный язык и духовная культура. Освещению этого вопроса не входит, собственно, в круг задач рецензируемого исследования, однако считаем нелишним отметить, что проблема взаимоотношений этноса и конфессий и роль последних в деле сохранения национальной самобытности является глобальной и все еще ждет своего решения.

Книга построена с учетом того положения, что каждая эпоха имеет свои культурно-эстетические ценности, отраженные в ее духовном наследии. Задача исследователя — вскрыть их и дать им соответствующую оценку. Надо сказать, что указанный подход к материалу проводится автором достаточно последовательно. С этих позиций оценивается, например, его история распространения христианства в Армении, которое было официально принято в 299 г. (или 301 г.). Для внедрения христианства как идеологии в систему концептуального мышления язычников, усвоивших лишь его внешние атрибуты, ритуалы, был изобретен армянский алфавит и на его основе создана серия трудов о которых уже было сказано выше. Они не только облегчили усвоение христианских основ на родном языке, но в значительной степени способствовали становлению и развитию древнеармянского литературного языка.

Анализ средневековых памятников (X—XVII вв.) предпринят во второй части книги (с. 267—549), которая начинается главой «Армянский ренессанс в X—XIV вв.». Характеристике памятников предшествует описание исторических событий, которые стимулировали армянское возрождение. Позитивное значение, по мнению С. Айрапетян, имело образование в XI в. в Киликии армянского государства, где развивалось градостроительство, способствовавшее оживлению духовной жизни, культуры и языка. Значительное место в книге занимает армянский эпос о Давиде Сагунском. В его трактовке Айрапетян придерживается принципов историзма, считая эпос отражением реальных исторических событий, связанных с национально-освободительной борьбой армянского народа. Вместе с тем в нем вычлениются влитенные в сюжетную канву элементы из мифологии языческого периода.

Характеризуя армянское средневековье, автор подчеркивает следующую его особенность. При широком распространении поэтического жанра в этот период отсутствовал театральный жанр, которому не нашлось места, несмотря на то, что театральные представления у армян (по типу древнегреческих трагедий) ставились еще в I в. до н. э. Айрапетян объясняет это нетерпимостью духовенства к театральному жанру. Видимо, по этой причине, продолжает автор, армянский талант особенно ярко проявился в сфере поэзии, сосуществуя наряду с прозаическим, морально-занимательным жанром, в котором закрепились народный язык. Наиболее выдающимся прозаиком этого периода признан Мхитар Гош с его «Судебником», сборником по-

словил, затем Вардан Айгекци — автор притч и морализованных рассказов, в которых отражено социальное расхождение общества. Язык этих произведений близок к разговорному койне, общепонятному широкому массам. В трактовке произведений этого периода С. Айрапетян четко проводит мысль о взаимосвязи языка и духовной культуры. Непонятный для народа габар к этому времени еще прочно удерживал свои позиции в среде грамотного духовенства и элиты. Литература же, предназначенная для широких масс и всеобщих нужд, должна была быть общепонятной и поэтому создавалась преимущественно на народном разговорном языке, который звучал как в царских палатах, так и в хижине простолудина. Популярность средневековой поэзии объясняется не только ее содержанием, но также и общедоступностью языка. Она безусловно способствовала поднятию престижа среднеармянского языка, который, по мнению С. Айрапетяна, стал занимать равноправное положение с габаром (с. 451). С последним трудно согласиться, так как реальное положение дел не соответствует столь оптимистической оценке: о равноправии престижного габара и среднеармянского языка для тех времен еще рано говорить. Оно наступит значительно позже, для чего потребуются большие усилия со стороны общества.

Последнюю часть книги (с. 550—672) Айрапетян посвящает анализу памятников так называемой эпохи обновления (XVII—XVIII вв.), выявлению ее общекультурной, художественно-эстетической и языковой значимости. К этому периоду арменистики относят развитие и формирование новармянского литературного языка в двух вариантах — восточноармянском и западноармянском.

Большое место в этой части уделено текстам средневековых айренов, затем творчеству ашугов — певцов и музыкантов, а также творчеству плеяды поэтов и писателей. Завершается книга характеристикой деятельности католиков-мхитаристов и их филологического наследия. Представители конгрегации мхитаристов (венецианской и венской) внесли огромный вклад в развитие армянского языкознания: они изучали и публиковали рукописи, издавали словари, грамматики, вели текстологические изыскания и пр.

Небезынтересна в книге трактовка армянского классицизма, который принципиально отличался от европейского классицизма XVII—XIX вв. Если последний опирался на греко-латинскую культуру и мифологию, усваивая их ценности с предельным приближением, то армянский классицизм, длившийся 150 лет, имел преимущественно религиозно-

политическое содержание (с. 659). Ему были свойственны риторический стиль, регулярная рифма, поэтическая упорядоченность и, главное, стремление выражаться на классическом габаре (с. 660).

Значительную роль в развитии армянской филологии сыграли типографии. Первая армянская типография появилась в 1512 г. в Венеции, затем в Амстердаме, Риме, Петербурге и т. д. Впервые публикуются иллюстрированные армянские шараканы, Библия, различные грамматики, произведения древних авторов — историков, агиографов, грамматистов. В 1711 г. в Амстердаме выходит в свет книга Иоахима Шредера, где впервые встречаем образцы разговорной речи новармянского языка.

В поэзии этого периода автор справедливо отдает первенство знаменитым айренам — средневековым песням-четверостишиям, в которых отражена жизнь во всем ее многообразии, — это любовные, свадебные, ритуальные, обрядовые песни. Язык их — народный, нередко носит диалектный характер. Айрены — древнейшая форма армянской поэзии, которая имеет свою структуру, размер и, конечно, свои сюжеты. В арменистике до сих пор еще скрепляются шаги вокруг спорной проблемы об авторстве многих любовных айренов, которые традиционно приписываются Наапету Кучаку. Не проходит мимо этой проблемы и Айрапетян. Она вновь подвергает анализу существующую литературу и, опираясь на языковые данные, четко определяет свою позицию по этому вопросу.

Интересной страницей в армянской народной традиции является искусство ашугов, особенно язык их произведений. Ашуги пели свои песни одновременно на нескольких языках — армянском, грузинском, персидском, тюркском — сказывалось влияние иранского и турецкого владычества. Иранизмы-арабизмы и тюркизмы проникали преимущественно в армянские диалекты и народно-разговорный язык. Церковное духовенство решительно не принимало ни эти языки, сохраняя в чистоте габар, ни самих ашугов, которых оно не узаконило, как, впрочем, и средневековых гусанов. Наиболее выдающимися армянскими ашугами XVII—XVIII вв. были Нагаш-Овнатан и Саят-Нова — певцы любви и земных утех. Вершиной ашугского искусства по праву считается творчество Саят-Новы (XVIII в.). От гусанов он унаследовал ритмические формы стиха, от народных песен — язык и образительные формы. Он сочинил песни на грузинском языке (36), армянском (66), азербайджанском (125) и 5 песен — на смешанном

языке (с. 628). Этот удивительный феномен многоязычия поэтического творчества, к сожалению, пока еще слабо изучен как в психолингвистическом, так и в социально-историческом аспекте. Не затрагивает этот аспект, к сожалению, и автор рецензируемой книги. Некоторые сведения из жизни Саят-Новы все же проливают свет на проблему. Армянки по национальности, Саят-Новая жила и творила в Тифлисе, где в то время правили мусульманские завосватели. Затем он был приглашен ко двору грузинского царя Ираклия в Телави в качестве придворного певца. Здесь функционировал грузинский язык. Интересна сама лексика армянских песен Саят-Новы. Она предельно насыщена диалектизмами, а также иранизмами-арабизмами и тюркизмами, что весьма затрудняет их восприятие в настоящее время. Учитывая это обстоятельство, С. Айрапетян снабжает цитируемые песни Саят-Новы подстрочным словариком.

Главным в этой ситуации было то, что экспансия иранизмов-арабизмов и тюркизов в народную поэзию и диалекты армянского языка привела к ответной реакции со стороны общества — появлению плеяды авторов XVIII в. (Пахтасар Дшир, Петрос Кананци и др.), творчество которых определяется как поэзия периода восстановления, или обновления.

Продолжая традиции древних и средневековых поэтов, новые поэты, в отличие от ашуггов, стремились писать на грабаре или близком к нему архаичном языке, очищенном от многочисленных заимствований. Любопытно, что аналогичной была картина в грузинском литературном языке того периода (ср. деятельность Антония I), что можно объяснить сходством социально-политических условий Армении и Грузии. На грабаре создавались произведения преимущественно религиозного содержания. Светские сюжеты облекались в формы, которые, хотя и были архаичными, вместе с тем приближались к народному языку, но без заимствований, сильно его засорявших.

В заключение следует отметить, что книга легко читается, язык живой и образный, в ней много иллюстраций. Написана работа на восточноармянском литературном варианте, хотя за рубежом распространен преимущественно западный. По-видимому, отдавая дань и поддерживая движение за восстановление старого правописания, С. Айрапетян сохранила его в своем труде. Книга снабжена подробной библиографией на различных языках, расположенной по главам и персоналиям. В конце приложен именной указатель (с. 706—719).

Туманян Э. Г.